

УДК 82

РЕАЛЬНАЯ ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫМЫСЛА: «ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА» В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» А.С. ПУШКИНА

© 2011 г.

Н.М. Fortunatov

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

fortunatova2@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2011

Анализируется фрагмент исторического документа, который послужил основанием для художественной сцены в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина.

Ключевые слова: документальный факт, черновая редакция, разночтение.

Нельзя утверждать, чтобы это был шедевр. Это всего лишь одна из черновых редакций «Капитанской дочки». Она обычно так и печатается, хоть и в приложении, но сразу же после основного корпуса повести под заголовком «Пропущенная глава». Гринев в ней назван Буланиным, а Зурин, его приятель, затем арестовывающий его, – Гриневым.

Но, как бывает у Пушкина, черновики порой вступают в соперничество с завершённым текстом по силе и выразительности отдельных своих фрагментов. Это был эпизод верной гибели всех участников сюжета «Капитанской дочки», без преувеличения – всех: всего семейства Гриневых вместе с Марьей Гавриловной. Они должны были погибнуть в охваченном огнём деревянном амбаре, обложенном по приказу Швабрина сухой соломой. Но остались живы по случайному стечению обстоятельств, в которых, однако, принял участие вездесущий Савельич. К тому же они избежали виселицы, на которую были не то что обречены, а уже отправлены.

Кульминация, бесспорно, драматическая. Но ей предшествует эпизод не менее сильный, причем эпизод трагедийный и к тому же связанный ... с Нижним Новгородом. «Ну, это уже слишком! – скажет читатель. – Деревенька, хоть и вблизи Волги, но все-таки очень далеко от Нижнего Новгорода. Мистика какая-то».

Но никакой мистики нет. Есть конкретные исторические реалии, которые нашёл автор «Капитанской дочки» в архивных материалах, ставших доступными ему благодаря разрешению царя работать над совершенно другим замыслом, – «Историей Пугачева» (в царской поправке «История пугачевского бунта»). Черновая редакция и несла в себе – уже в художественном воплощении – отзвуки мощнейшего последующего взрыва пугачевского движения.

Эпизод, «подсказанный» нижегородским генерал-губернатором

В начале весны 1774 года в Нижнем Новгороде было беспокойно: деревни вокруг полнились слухами, всполохи пугачевского пожара все еще долетали сюда из Оренбурга. Но уже летом город оказался в отчаянном положении. Емельян Пугачев, преследуемый по пятам войсками, все-таки успел взять Казань, сжег и разграбил ее, вырезал часть жителей – и был наголову разбит. Солдаты Ивана Михельсона опоздали всего на день-два.

Пугачев с пятьюстами своих людей едва успел переправиться через Волгу. И вдруг восстание заполыхало с новой силой. Поражение мятежников обернулось их победой.

Вся западная сторона Волги взбунтовалась. Воеводы бежали из городов, дворяне – из поместий. Ряды повстанцев с каждым днем полнились. Сообщение Нижнего Новгорода с Москвой было, по существу, давно прервано, путь был небезопасен. Но сейчас катастрофа приблизилась вплотную. Нижегородский генерал-губернатор Ступишин писал, что участь Казани может ожидать Нижний и что он не отвечает даже за Москву. Это не были пустые слова. Михельсон со своими солдатами спешно из Чебоксар бросился к Арзамасу, чтобы перекрыть путь Пугачеву к Москве.

Мятежные отряды заполнили Нижегородскую губернию и ее уезды. Бунтовщики врывались в божьи храмы в шапках и с оружием в руках, грабили церковное имущество, разбивали в щепы иконы, обдирали иконостасы, не щадили священнослужителей, жестоко расправлялись с ними. Причина была не только в крутом нраве предводителя восстания, с его вспышками самой необузданной жестокости. Пушкин

вспоминает один такой эпизод. Встретив на берегу Волги астронома (в одном из вариантов рукописи – профессора) Ловица, Пугачев «спросил его, что он за человек. Услыша, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, он велел его повесить *поближе к звездам*» (подчеркнуто Пушкиным. – Н.Ф.) [1, т. 6, с. 250].

Однако суть дела заключалась все-таки в другом, в том, что Пугачев, как и многие его соратники, был старовером и православная церковь не была для него свята, как и ее служители, – с ними расправа была такой же короткой, как с помещиками и чиновниками.

С дворянами у Пугачева были свои счеты, в Нижегородской губернии их погибло множество. Статистику смертей вел сам Пушкин, пользуясь документами архивов: в Нижегородском уезде (так назывался в те времена один из уездов Нижегородской губернии) погиб граф Головин, в Арзамасском вырезались целые семьи, например ротмистр Иван Исупов с женой и двумя дочерьми. Но расправлялись и с приказчиками, с выборными из крестьян. Виселицы появлялись повсюду. Жестокость этой волны восстания не знала пределов, она ужасала.

Так, не жалея красок, описывает автор «Истории Пугачева» последнюю кульминацию народного бунта, если не совсем бессмысленного, то беспощадного – это точно. Пушкин не забыл при этом и Нижний Новгород, и нижегородского губернатора, генерал-поручика Ступишина. Он поместил в текст своего исторического труда реальный факт, характерный для того времени, когда жестокость рождала не меньшую ответную жестокость. К тому же «История» дописывалась им в 1833 году в Большом Болдине, которое в те стародавние времена было тоже охвачено восстанием.

В заключительной главе «Истории Пугачева» есть выразительный эпизод из деятельности бравого генерал-губернатора. Пугачев избрал неожиданную, но оказавшуюся на редкость удачной тактику: взяв деревню или город, уходил вперед, оставляя позади себя несколько своих людей, которые тут же обрастали новыми повстанцами. А так как они действовали почти открыто, то трое из посланцев Пугачева объявились в окрестностях Нижнего Новгорода. Их схватили и привели к губернатору Ступишину. И вот здесь-то появляется эта историческая подробность, найденная Пушкиным в архивных документах: «Он велел повесить их на барках и пустить вниз по Волге мимо бунтующих берегов» [1, т. 6, с. 246].

Реальный-вымышленный эпизод в «Пропущенной главе»

Этот совершенно реальный исторический факт стал отражением творческого процесса работы Пушкина. То, что появилось в «Истории Пугачева» в одной сжатой фразе, оказалось развернуто автором в виде пространной художественной сцены, и случилось это уже в рукописях «Капитанской дочки».

Петр Гринев (в черновой редакции, как уже говорилось, он носил другое имя), узнав, что на том берегу Волги деревни охвачены восстанием, не стал дожидаться выступления отряда гусар, в котором служил. На свой страх и риск, в сопровождении лишь Савельича, он решил отправиться в имение отца, где в то время находилась и невеста его, Маша Миронова, капитанская дочка.

В лодке Гринев переплывает ночную Волгу. И вот здесь-то, при чтении этого эпизода, становится ясно, что генерал-губернатор Ступишин дал поэту в руки историческое свидетельство, само по себе очень выразительное. Пушкину оставалось только обработать его, сделав частью художественного повествования:

«Лодка, плавно качаясь, быстро скользила по темным волнам. Я погрузился в мечты воображения. Прошло около получаса. Мы уже достигли середины реки... Вдруг гребцы начали шептаться между собою. «Что такое?» – спросил я, очнувшись. «Не знаем, бог весть», – отвечали гребцы, смотря в одну сторону. Глаза мои приняли то же направление, и я увидел в сумраке что-то, плывшее вниз по Волге. Незнакомый предмет приближался. Я велел гребцам остановиться и дожидаться его. Луна зашла за облако. Плывучий призрак сделался еще неяснее. Он был от меня уже близко, и я все еще не мог различить. «Что бы это было? – говорили гребцы. – Парус не парус, мачты не мачты...» Вдруг луна вышла из-за облака и озарила зрелище ужасное. К нам навстречу плыла виселица, утвержденная на плоту – 3 тела висели на перекладине. Болезненное любопытство овладело мною. Я захотел взглянуть на лица висельников.

По моему приказанию гребцы зацепили плот багром, лодка моя ткнулась носом о плывучую виселицу. Я выпрыгнул и очутился между ужасными столбами. Яркая луна озаряла обезображенные лица несчастных... Над ними прибитая была черная доска, на которой белыми крупными буквами было написано: *Воры и бунтовщики*. Гребцы смотрели равнодушно и ожидали меня, удерживая плот багром. Я сел опять в лодку. Плот поплыл вниз по реке. Висе-

лица долго чернела во мраке. Наконец она исчезла – и лодка моя причалила к высокому и крутому берегу» [1, т. 4, с. 300–301].

Сцена повторяет эпизод из текста «Истории Пугачева». Даже повешенных трое, только барки превратились в плот, медленно плывущий по течению Волги в устрашение бунтующих берегов. Да надпись, которую могут прочесть немногие. Да лица несчастных, словно отражающие разношерстную толпу пугачевцев: старый чувашин, молодой русский крестьянин и дворový человек, приставший к Пугачеву.

Разумеется, никакого комментария к этому фрагменту из черновой редакции «Капитанской дочки» нет. Может быть, он появится после нашего филологического детектива? Надо бы все-таки дать читателям хоть какое-то представление о работе Пушкина, когда зафиксированный им самим исторический факт, удержанный памятью, перевоплощается под его рукой в яркий художественный эпизод. Реальная жизнь давала сильнейшие импульсы для жизни создаваемых им образов. Но ведь это же громадный предварительный труд. Поиск, воля, цепкая память, сила творческого воображения. Как же об этом не сказать читателям, когда у комментаторов появляется такая возможность? Но для этого нужно сверхусилие самого комментатора. Не чтение одного текста, скажем, «Истории Пугачева» или «Капитанской дочки», но соотнесение разных текстов так, как они жили или могли жить в сознании автора. Нужно повторить путь, которым он шел. А «Капитанская дочка» и «История Пугачева» писались одновременно, и материал для них собирался одновременно, и замысел их возник в январе 1833 года. Только «История» была дописана в Большом Болдине в ноябре 1833 года, недалеко от Нижнего, что представляется невольным символом, так как именно в нем действовал крутой генерал-поручик, а Большое Болдино, рядом с Нижним Новгородом, тогда было охвачено восстанием. Напомню, что повесть будет завершена лишь в 1836 году. Восьмая же глава «Истории Пугачева» писалась осенью 1833 года, в предварительном кратком изложении ее содержания автор называет губернатора Ступишина в третьем ее разделе (Пугачев за Волгою – Общее смятение – *Письмо губернатора Ступишина...*), а за письмом, как мы знаем, вскоре последует и эпизод с тремя повешенными. Не писалась ли эта «Пропущенная глава» в тот момент, когда Пушкин работал над 8-й главой «Истории Пугачева» или в близкое к этому время? В текстологических выкладках к различным вариантам «Капитанской дочки» и в систематизации исправлений, вносимых в текст, об этом не сказано ни слова.

Исследователи психологии писательского творчества знают, что подобные совпадения не бывают делом случая. Об этом как раз свидетельствует красноречивый пример из Болдинской осени 1830 года. В рукописном наброске о роде Пушкиных и Ганнибалов поэт вспоминает о «странностях» своего деда и рисует его взрывной, взбалмошный характер. «Дед мой, – пишет он, – был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую связь с французом, бывшим учителем ее сыновей и которого он весьма феодально повесил на черном дворе» [1, т. 6, с. 50]. А в конце сентября в письме Пушкина к невесте появляется перифраз, почти цитирование фрагмента рукописи о «феодальной» расправе над «французом». Поэт вспоминал эту историю именно в ту же болдинскую пору и в том же Большом Болдине.

Из письма к Н.Н. Гончаровой

Б. Болдино. 30 сентября

Не смейтесь надо мной, я в бешенстве. Наша свадьба точно бежит от меня и эта чума с карантинном – не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба? Мой ангел, ваша любовь – единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка (где, замечу в скобках, мой дед повесил французского учителя, аббата Николая, которым был недоволен)» [1, т. 8, с. 229].

Он, правда, не говорит, за что повешен учитель-аббат. Но стоит ли молодой девице, да еще собственной невесте подавать дурные примеры?

Однако такие совпадения как раз и являются свидетельством одновременности или близкой по времени работы над разными текстами. Дело в том, что даже хорошо тренированная память оказывается ненадежна. Стефан Цвейг, рассуждая об одной безупречно точной писательской памяти (он имел в виду Льва Толстого), говорит: ничто не стирается в ней твердым напильником лет, – и напрасно так говорит. Как метафора, это прекрасно сказано, но сказано неверно. Непосредственные впечатления, не зафиксированные записью, быстро тускнеют, теряют свою свежесть, именно – стираются. А здесь точное повторение колоритной подробности и даже повторение настроения, с каким она передана, – весело-ироничного – в наброске родовсловной и в письме. Это естественно: и то, и другое создавалось в одно время, автор во власти одной мысли, одного переживания.

Не то ли произошло и с «Пропущенной главой»? Не писалась ли она в то время, когда создавалась в Большом Болдине 8-я глава «Исто-

рии Пугачева», что можно точно высчитать? Ведь впереди было еще три долгих года работы над повестью! В публикации вариантов текста «Капитанской дочери», сообщаемых в последнем Полном собрании сочинений Пушкина в 19 томах (М., 1994–1997), о времени создания этой главы ничего не говорится, как и о «заимствовании», оказавшемся в ней, – подробности,

найденной Пушкиным в действиях скорого на расправу нижегородского губернатора Ступишина.

Список литературы

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. М.: Правда, 1954.

**REALISTIC BASIS FOR FICTION: «THE HISTORY OF PUGACHEV»
IN «THE CAPITAN'S DAUGHTER»**

N.M. Fortunatov

The author presents his analysis of a fragment of a historical document which has been taken by A.S. Pushkin as a basis for one of the episodes in «The Capitan's Daughter».

Keywords: documental fact, draft, variant reading.